

Чу Ван никогда прежде не видел эротических картинок, и лишь спустя несколько секунд до него дошло, на что именно он смотрит. Вспыхнув, он в панике захлопнул книжицу — да так резко, что тонкий уголок бумаги смялся, — и поспешно отшвырнул её Чэн Яню. После этого он тут же уткнулся в свой стол, не смея даже взглянуть в сторону соседа.

Такая реакция была вполне ожидаемой.

Тот ловко поймал помятую книжицу и негромко прыснул. Учитель Даоцин в это время как раз распинался, цитируя древние каноны, и совершенно не замечал, что его лучший ученик тоже отвлекся от занятий.

— Ну как? — вкрадчиво прошептал Чэн Янь. — Приглянулось?

Чу Ван заставил себя успокоиться. Он вовремя сообразил: чем сильнее он будет нервничать, тем больше этот наглец станет над ним потешаться.

Стараясь сохранять невозмутимость, он сердито взглянул на соседа и процедил:

— Посредственность. Не более того.

Чэн Янь удивленно вскинул брови.

— Ого, какие у нас запросы!

С этими словами он залез под стол, подтянул свою корзину поближе и заговорщицки приоткрыл крышку, демонстрируя её содержимое. Кроме толстых учебников, небрежно сваленных в кучу, всё свободное пространство было забито тонкими тетрадками самых разных мастей — их там было не меньше трёх десятков.

«Чистой воды торговец запрещёнкой», — подумал Чэн Янь.

Чу Ван заглянул внутрь, и его маска спокойствия мгновенно треснула.

— Ты... ты... — он окончательно утратил самообладание.

— Тсс! — юноша предостерегающе прижал палец к губам.

— Да ты болен! — возмущенно зашипел Чу Ван, едва сдерживая голос. — Как можно приносить в академию столько... столько этой срамоты!

Его щеки снова предательски запылали, а само признание, казалось, жгло ему язык.

Чэн Янь про себя согласился.

«Болен, и ещё как»

Но ответить он не успел.

— Чэн Янь! — зычный голос учителя Даоцина эхом разнесся по классу. — Прекрати отвлекать товарища! Ещё хоть слово — и вылетишь вон!

Чу Ван от испуга мгновенно вытянулся в струнку и уткнулся в книгу, не смея поднять глаз. Его сосед же спокойно закрыл корзину, вернул её на место, а затем, поразмыслив, выудил оттуда ещё один альбом и спрятал его под учебником, продолжая «изучение».

Учитель Даоцин давно махнул рукой на такого ученика. Пока тот не мешал остальным, старик позволял ему заниматься любыми глупостями.

Сам Чэн Янь был изрядно поражён богатством этой коллекции. Его удивляла как обширность «библиотеки» прежнего владельца тела, так и абсурдность ситуации: зачем импотенту столько эротики? Любопытства ради он пролистал несколько альбомов и, мысленно раскритиковав уровень местных художников, забросил их обратно.

Урок тянулся невыносимо медленно. От нечего делать Чэн Янь даже украдкой проверил собственный пульс. Он предположил, что прежний владелец тела был слишком невоздержан в юности, что привело к истощению организма и преждевременному семяизвержению. Перепуганный отец нанял какого-то шарлатана, который пичкал парня сильными снадобьями для восполнения ян. В результате, несмотря на общую слабость, внутренний жар только усилился — чем больше он «лечился», тем слабее становился, пока окончательно не лишился мужской силы.

Но даже это не мешало ему регулярно посещать цинлоу и коллекционировать картинки.

«Кремень, ничего не скажешь» — иронично отметил он про себя.

На перемене Чэн Янь лениво вертел в пальцах кисть. Чу Ван, весь остаток урока терзаемый чувством вины за то, что отвлекся, теперь втайне злился на соседа. Увидев, как тот беззаботно развлекается, он не выдержал:

— Чэн Янь.

Тот подпер голову рукой и обернулся.

— Что такое? Неужто картинки заинтересовали?

— Замолчи! — вспыхнул Чу Ван. — Ты пропустил всё занятие. Как ты собираешься чего-то добиться с таким отношением к учебе?

— Я не понял ни слова из того, что бубнил учитель, — честно признался собеседник. — К тому же я в этой академии не ради экзаменов.

В академии Битань каждый мечтал о чиновничьем халате, и лишь Чэн Янь, засунутый сюда силой, совершенно не разделял общих стремлений.

Чу Ван нахмурился.

— Нельзя так опускать руки. Знание берется упорством. Если не понимаешь лекций, начни с азов, читай старые тексты, копи по крупицам.

Юноша, которому учиться не хотелось совершенно, скорчил кислую мину.

— Знаешь, я сейчас тоже занимаюсь своего рода наукой — анализирую эротическое искусство. Глядишь, со временем накоплю достаточно опыта, чтобы стать великим знатоком в этой области.

Чу Вана буквально затрясло от негодования.

— Чэн Янь! С этого дня ты будешь прописывать своё имя по сто раз! Сначала научись писать его нормально!

Он сказал это так громко, что окружающие на мгновение замолкли. Маленький цзюньван тут же смутился, осознав, что в запальчивости сорвался на крик.

Однако Чэн Янь и не подумал обижаться. Он лишь лукаво улыбнулся:

— Хорошо. Я напишу его сто раз. Но что мне за это будет?

— Никаких наград! — отрезал Чу Ван.

Чэн Янь замолчал, разложил лист рисовой бумаги и принялся старательно растирать тушь. Держа кисть весьма причудливым образом, он принялся выводить иероглифы, не выказывая ни малейшего нетерпения.

Чу Ван подошел поближе, чтобы проверить работу, и застыл на месте. В каждой строке

красовались четыре знака. Сначала имя Чэн Яня, а следом — его собственное.

Обнаружив «слежку», тот и не подумал скрываться. Напротив, он с гордостью продемонстрировал лист:

— Ну как, красиво?

Сяо Ван с трудом подбирал слова, глядя на ожидающее лицо соседа.

— Есть... куда стремиться, — выдавил он наконец.

Чэн Янь довольно хмыкнул.

— Знаешь, я когда-то видел одного человека... Он только начинал учиться и писал точно так же.

В его голосе промелькнула мимолетная тоска, от которой Чу Вану почему-то стало не по себе. Он ткнул пальцем в странный символ между именами, похожий на какую-то магическую закорючку.

— А это что значит?

Чэн Янь не моргнув глазом соврал:

— Этот знак между именами символизирует нерушимые узы. Значит, что мы теперь — братья по духу, готовые пойти друг за друга в огонь и в воду!

Чу Ван, хоть и заподозрил неладное, всё же выхватил лист, на котором стройными рядами теснились надписи «Чэн Янь □ Чу Ван».

— Сначала своё имя научись писать нормально! — буркнул он. — И не занимайся ерундой.

Чэн Янь цыкнул и покачал головой, вновь принимаясь за письмо, и тихо пробормотал:

— А ведь когда-то я не придирился к твоему почерку.

Чу Ван не расслышал:

— Что ты сказал?

— Ничего, ничего, — отмахнулся тот.

Мэн Чэньхуэй вывел Чэн Цзиня из класса к пруду. Вид у него был разъяренный. Спутник лихорадочно перебирал в голове возможные причины, но так и не мог понять, чем не угодил знатному молодому господину.

Мэн Чэньхуэй был не чета местным богатеям; он прибыл из самого округа Цанбэй, и ходили слухи, что его семья вхожа в дом цзюньтайшоу. В академии многие искали его расположения, и Чэн Цзинь не был исключением. Тот вел себя крайне осторожно, боясь неосторожным словом вызвать гнев этого человека.

Остановившись у самой воды, Мэн Чэньхуэй наконец немного остыл. Он повернулся к Цзиню и спросил:

— Ты знаешь, что за дела у твоего брата с Чу Цзыгуанем?

Тот замялся, вспомнив вчерашние слова Чэн Яня, и на его лице появилось странное выражение.

Мэн Чэньхуэй, заметив это, помрачнел ещё сильнее:

— Ты что-то знаешь? С каких это пор они стали такими друзьями?

— Брат вчера хвастался, что Чу Цзыгуань очень его ценит. И еще... — Цзинь скривился, словно проглотил муху. — Он сказал, что позавчера они вместе ходили в цинлоу. Я поначалу не поверил, но сегодня вижу — они и впрямь не разлей вода. Может, и не врал он...

— Он ходил в бордель?! — взревел он.

Чэн Цзинь, не разобрав, о ком именно речь, подобострастно добавил:

— Брат Чэньхуэй, если вам это интересно, в следующий выходной я сам всё устрою и свожу вас в лучшее заведение.

— К черту заведения! — Мэн Чэньхуэй с силой оттолкнул спутника и стремительно зашагал прочь.

Тот едва удержался на ногах. В его глазах мелькнула обида, но он поспешил догнать Чэньхуэя, гадая, на кого теперь обрушится этот гнев.

<http://bllate.org/book/15870/1441496>